

Наталья ВАРЕНИК

Елисаветград Достоевского

Его имя не вошло ни в одну классическую хрестоматию, его романами не зачитываются на Западе, и он успел написать всего одну книгу — «Воспоминания». Родной брат великого Фёдора Достоевского, главный архитектор Елисаветграда середины XIX века, талантливый человек, имя которого почти забыто нами...

180 лет назад в семье Достоевских родился ещё один сын — Андрей, который в отличие своего знаменитого брата (Фёдора часто винили в нелюбимости), был очень привязан к семье — в конце жизни он просил назначения поближе к московской родине, в Ярославль, и покинул Украину, где прожил долгие годы.

По свидетельству современников, Андрей Достоевский был простым земным человеком, а с братом его роднили незаурядные литературные способности, которые ярко проявились в единственной книге мемуаров, изданной спустя годы его потомками.

Мы в Украине знаем об Андрее Достоевском благодаря его деятельности на поприще архитектуры в Елисаветграде, Симферополе и Екатеринославле.

И хотя уже в юности жизненные пути писателя и его брата разошлись практически навсегда (один провёл почти всю жизнь на Украине, а другой принадлежал России), годы совместной учёбы в Петербургской высшей архитектурной школе (её окончили все четверо братьев Достоевские) наложили неизгладимый отпечаток на личность Андрея. В его книге «Воспоминания» ощущается мощный талант Достоевских, а в его взглядах — острый склад ума его брата.

Ах, Елисавет, Елисавет!...

Приехавшему в уездный город молодому архитектору было от чего потерять голову: считалось, что в Елиса-

ветграде XIX века жили самые красивые девушки царской России. Здесь были расквартированы блестящие офицеры, и красавицы из разных городов приезжали в Елисавет, чтобы «сделать удачную партию».

В наши дни сотрудники Кировоградского краеведческого музея организовали выставку старых фотографий XIX–XX веков «Женщины Елисаветграда». И посетители, и сами организаторы экспозиции были поражены красотой жительниц города с романтическим именем «Елисавет».

На «ярмарке невест» двадцатичетырёхлетний главный архитектор не остался незамеченным: родной брат великого писателя был окружён вниманием горожан. Честно говоря, молодой Достоевский и сам немало этому способствовал. Однако нужно признать, что он, со своей честью, не отрёкся от брата, когда был оглашен приговор о смертной казни Фёдора, изменённый позднее на каторгу.

Жители Елисаветграда спрашивали с ужасом: не ваш ли это родственник? На что Андрей отвечал: «Это мой родной брат». После он долго ощущал на себе пристальные взгляды обывателей, но среди любопытных глаз, по его собственному выражению, «было очень мало сочувствующих».

Об интересе к личности Андрея Достоевского в Елисаветграде свидетельствует история его венчания: в собор набилось столько народа, что яблоку было негде упасть...

Выбирал невесту Достоевский не-

долго: в октябре 1849 года он прибыл в Елисаветград, в декабре познакомился со своей будущей женой (о ней мы знаем только фамилию родителей — Федорченко), а спустя полгода они обвенчались. Судя по всему, это была первая и единственная любовь, которую Андрей Михайлович пронёс через всю жизнь — даже после смерти жены, уже живя в Ярославле, он говорил: «Нет моей дражайшей!». Он пережил её всего на несколько лет.

Елисаветград связан с самыми светлыми событиями в жизни Андрея Михайловича: любовью, женитьбой и рождением детей. Здесь он провёл почти девять счастливых лет.

Сегодня в Кировограде мы имеем всего одну фотографию Андрея Достоевского и один оригинал его проекта фортификационных сооружений в музейной экспозиции.

Заместитель директора Кировоградского краеведческого музея по научной работе Светлана Колесник принадлежит к тем немногим краеведам города, которые интересуются наследием Андрея Достоевского.

— Вклад Андрея Михайловича в развитие Елисаветграда заключается, в первую очередь, в его сотрудничестве с самым известным городским головой Александром Пашутным. Этот тандем и дал возможность считать Елисаветград городом европейского типа. Немалая заслуга Андрея Достоевского в том, что в городе появилась брусчатка, водопровод, электрическое освещение на улицах...

«Дремучий» и «непроходимый» — эти неслезные эпитеты часто встречаются в контексте описания Елисаветграда в мемуарах Андрея Достоевского. Такую же характеристику городу даёт и Фёдор Достоевский в романах «Братья Карамазовы» и «Идиот».

Существует миф о том, что знаменитый писатель приезжал в уездный город. Однако сейчас достоверно известно, что это не так — описания Елисаветграда у Фёдора Достоевского всего лишь дают основания местным краеведам утверждать, что рассказы

брата повлияли на творчество писателя. Причём, описания «захолустного» городка имели откровенно негативный оттенок.

Молодому архитектору пришлось засучить рукава: цивилизация в Елисаветграде ощущалась только на Большой Перспективной улице. «Отошёл на один шаг — грязь, соломенные крыши, город на этом заканчивается», — писал Андрей Достоевский. — Все эти уездные захолустные города построены по одному принципу», — говорил он о Елисаветграде, Симферополе и Екатеринославле. И действительно, даже сейчас многие города на юге Украины удивительно напоминают друг друга своей планировкой.

В Кировоградской областной библиотеке им. Д.Чижевского «Воспоминания» Андрея Достоевского занимают особое место, эту книгу разместили на сайте библиотеки, а сотрудник отдела искусств Светлана Ушакова занимается изучением наследия архитектора уже не первый год.

— Судьба Андрея Достоевского необычна тем, что архитектору нашего города — Яков Паученко, Александр Лишневский и другие — придут гораздо позже, в конце XIX — начале XX века. Во времена Достоевского все значительные имена в архитектуре принадлежали итальянцам, а отечественные мастера успели заявить о себе только в столпах. В уездном Елисаветграде никто даже толком не знал, что такое архитектура.

Интересен в этой связи случай с проектированием усадьбы «Приют», принадлежавшей зажиточному помещику Соколову-Бородкину и расположенной неподалёку от Червонокаменки. Получив от заказчика гонорар в конверте, молодой Достоевский открыл его по дороге домой и потерял дар речи: внутри лежало целых...десять рублей! И хотя в то время это была немалая сумма, труд архитектора за подобную работу оценивался минимум в сто целковых. Вернувшись домой, Достоевский написал помещику письмо и вскоре получил от смущённого заказчика сто рублей — несколько богат человек просто не знал, сколько стоит труд архитектора, он заплатил за проект усадьбы, как за гравюру!

Не только захолустность провинции тяготила Андрея Достоевского. Елисаветград был военным городом. Это был расцвет Николаевской эпохи, время «голубых мундиров». Такое окружение душило свободолобное молодое человека, ведь он был приписан к военному ведомству чисто случайно. Получив образование инженера путей сообщения, он не попал на службу в гражданское ведомство только потому, что начальник-самодур не хотел видеть в своём ведомстве никого из семьи Достоевских.

События, связанные с арестом группы петрашевцев в 1849 году, тоже сыг-

рали немаловажную роль в судьбе Андрея. В число заговорщиков входил Фёдор Достоевский, поэтому в одночасье арестовали всех его братьев. Непричастными к заговорному покушению на царя были Михаил и Андрей Достоевские, первый провёл в Петропавловской крепости три месяца, второй — тринадцать дней, но и этого ему оказалось вполне достаточно для впечатлений на всю жизнь.

В Петропавловке состоялась последняя встреча братьев перед отправкой Фёдора на каторгу. Это случилось в третьем отделении, в печально известном белом зале, куда свозили всех арестованных. Фёдор воскликнул: «А ты-то что здесь делаешь?!». Но им не дали поговорить, сразу же препроводив в разные комнаты.

Позже Андрей трижды ездил в Петербург из Елисаветграда с просьбой о переводе в другое место, и буквально накануне приказа об упразднении военных поселений, добился перевода в Симферополь.

Сегодня в Кировограде из построек, созданных по проекту Андрея Достоевского, сохранилась только старая пращечная в районе древней крепости — сейчас это один из корпусов городской больницы. Возможно, остались фрагменты решёток к церковной ограде на Ковалёвке, созданные Андреем Михайловичем, и другие, не идентифицированные строения, которые он проектировал по частному заказу. Дело в том, что в его обязанности входило решение общих вопросов, разработка фортификационных сооружений, государственных построек казарменного типа, а жилые дома богатых людей, которые он проектировал — это было всего лишь его частная практика. Кроме того, Елисаветград времён Достоевского был деревянным городом и после неоднократно горел.

Поэтому главным наследием Андрея Михайловича стала книга воспоминаний, которая насыщена ценными рас-

сказами об известных людях Елисаветграда: губернаторах, богатых помещиках, горожанах. Как архитектор он проявил себя в более позднем возрасте — в Симферополе, Екатеринославле и Ярославле. Однако усилию Достоевского сделать Елисаветград цивилизованным европейским городом, безусловно, заслуживают уважения.

Интересно, что спустя сто с лишним лет, накануне празднования 250-летия Елисаветграда, главный архитектор города и его коллеги обратились к обществу с призывом вернуть местным СМИ. Они призвали власти вернуть Кировограду его историческое название — Елисаветград, и переименовать улицы в центре из соображений исторической справедливости, дав им прежние имена: Большая Перспективная, Дворцовая и другие. Как справедливо заметил руководитель архитектурного ведомства, центр Кировограда «перегружен» политическими именами: улица Ленина, Карла Маркса, Фрунзе... Пора заменить имена революционных вождей на исторические названия.

Волнует местных архитекторов и то, что Кировоград по-прежнему остаётся в сознании людей заштатным провинциальным городком, где время остановилось и не ощущается веяния эпохи. Необустроенность улиц, ветшающие дома, памятники культуры — как тут не вспомнить Андрея Достоевского с его характеристикой старого Елисаветграда? Неужели ничего не изменилось с тех самых пор?..

Древние мудрецы придавали большое значение собственным именам. Считалось, что каким будет имя — таким и дальнейшая судьба города или человека. Вот и сегодня так и хочется произнести нараспев: «Ах, Елисавет, Елисавет...» — романтическое прекрасное имя.

Николай СТАРОДЫМОВ

Во глубине сибирских руд...

Есть такая фраза: человек должен прочитать только десять книг, но искать он их будет всю жизнь. В той заветной десятке у меня роман-эссе «Память» Владимира Чивилихина. В очередной раз я вспомнил о нём, оказавшись в Забайкалье, в местах, связанных с декабристами, «во глубине сибирских руд»...

Что же в этом произведении такого выдающегося? Отвечаю: «Память» в своё время открыла множеству наших соотечественников историю собственного народа, пробудила интерес к прошлому родины, показала нам историю — родную и оригинальную, а не привнесённую из-за моря.

Это сегодня есть интернет, где на любой вопрос можно найти ответ. Есть масса литературы по «альтернативной истории», где любой человек (и вдумчивый историк, и какой-то верхогляд, а то и просто хулиганствующий любитель дутых сенсаций) может изложить своё видение любого эпизода из прошлого человечества. Сейчас выпущены десятки учебников истории, и любой преподаватель имеет право излагать собственные воззрения о деятелях и событиях прошлого. Люди же старшего поколения хорошо помнят времена, когда всего этого ещё не имелось.

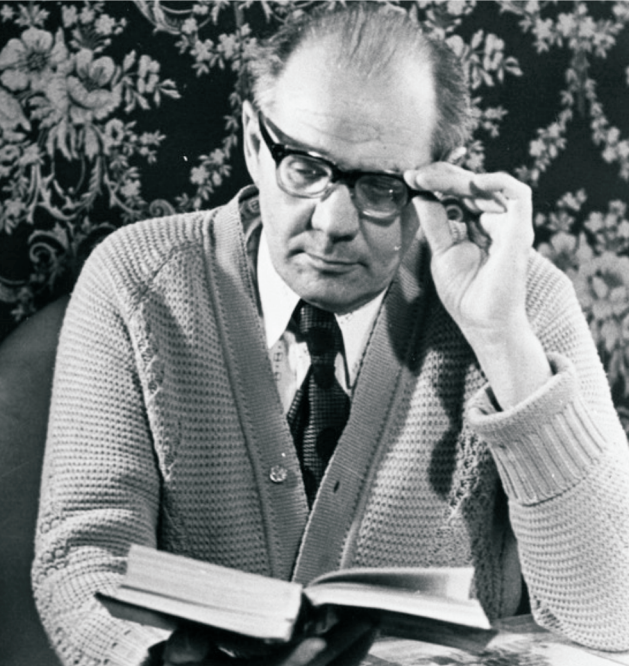
В начале 1980-х, когда «Память» увидела свет, она произвела эффект взорвавшейся информационной бомбы. Мы вдруг узнали, что история Руси начинается не с призвания варягов. Для нас открылся целый мир, окружавший Русское государство накануне и в момент нашествия орд Батыея. И декабристы перестали для нас быть лишь чеканными профилями с известного барельефа, они обрели плоть, ум, характеры...

Кто такие декабристы? Это группа дворян, в первую очередь офицеров, участников Наполеоновских войн, которые в начале XIX века готовили в России государственный переворот. По известному выражению, «узок их

круг», потому они потерпели поражение. В советские времена нам о декабристах рассказывали, как о романтиках, которые не понимали значения классового характера революций... Ну, хорошие люди, но ещё не дорели...

Владимир Чивилихин собственно о самом восстании говорит не так много. Прежде всего, потому, что задача перед собой ставил другую. Он создавал свою книгу в эпоху, когда политические оценки революционных событий не подлежали ревизии. То есть само по себе восстание декабристов рассматривалось исключительно как этап, ступенька в общем поступательном революционном движении. Сегодня трудно судить о том, что на самом деле думал Чивилихин о восстании 1825 года. Быть может, он действительно искренне сопереживал повстанцам... Во всяком случае, такое впечатление складывается из его романа. Соответствующим образом выглядят и сами декабристы — рыцарями без страха и упрека.

Сегодня отношение к тому восстанию у нас в значительной степени поменялось. По сути, выступление на Сенатской площади было попыткой осуществления государственного переворота в угоду Западу. Слов нет, Пестель, Рылев и их соратники действовали, судя по всему, из самых благих побуждений! Так ведь большинство революционеров по всему миру идут на баррикады с сердцем Данко, горящим заботой о людях! Другое дело, чем революция завершается. Задумывают их Преображенские, осуществляют Швандеры, а

плодами пользуются Шариковы.

Владимир Чивилихин акцентирует внимание не на политических целях восстания, не на моральной стороне вопроса: как ни говори, а декабристы пошли против своих, против среды, которая их взрастила, против власти, с рук которой они кормились.

Состоялось восстание. Оно разгромлено, участники сосланы в Сибирь. И автор показывает нам, как сложились судьбы декабристов, говорит о вкладе, который внесли сысьные в развитие Сибири: как способствовали развитию промышленности, как вели метеонаблюдения, как изучали северную природу и описывали её в научных трудах, как обучали местных детей грамоте...

Особенно меня впечатлил рассказ о судьбе сысьного Владува (Выгодского). Это был единственный среди декабристов не дворянин. И опять же, едва ли не единственный, кто не получил систематического образования. Оказавшись в ссылке в полном одиночестве, этот человек в течение нескольких лет

писал огромный труд, полторы тысячи современных книжных страниц, философские размышления об устройстве мира, о государстве, об экономике... И мечтать не мог, что его произведение хоть когда-нибудь увидит свет, но продолжал писать — гусиным пером, на плохой бумаге, самодельными чернилами, при тусклом свете лунных долинных северных вечерами, страничку за страничкой... Что это? Потребность высказаться? Стремление заставить свою голову мыслить, чтобы обезопасить себя от деградации или самушества? Надежда на то, что слово написанное будет кем-то прочитано? Такое упорство и преданность делу заслуживают восхищения! Впрочем, как и вся книга «Память».

Работая с материалами о декабристах, Владимир Чивилихин обращался к архивам, просматривал километры фотокопий. Современной молодёжи трудно представить этот процесс: фотоплёнка заряжается в прибор наподобие фильмоскопа, включается лам-

па, человек припадает к окуляру и читает через линзу текст, кадр за кадром... Адов труд! Плюс, приходилось просматривать множество архивных папок. А ведь там содержались не странички машинописного текста, а рукописные материалы с ятями и завитушками, украшавшими буквы. Кроме того, Чивилихин общался со многими людьми: историками, архивариусами, чиновниками, родственниками декабристов... Ради многих встреч он летал за Урал, совершал длительные поездки по тяжёлым сибирским дорогам...

Думаю, роман «Память» можно и нужно показывать студентам Литературного института как образец того, как следует работать на своё произведение.

Собирая материал для романа, Владимир Чивилихин вдруг выяснил, что один из декабристов, Николай Мозгалевский, является его дальним родственником. Ну, кто бы в этой ситуации устоял перед соблазном исследовать именно его судьбу и через неё позна-

комить читателей и с другими декабристами? Вот и автор не устоял. Но насколько замечательно он это сделал!

Мы восхищаемся самоотверженностью одиннадцати добровольных изгнанников, которые отправились разделить с любимыми ссылкой. Безусловно, они достойны самых возвышенных слов. Об этих женщинах Некрасов написал свою знаменитую поэму, о них снят фильм, само слово «декабристка» стало нарицательным. А Чивилихин рассказывает нам о тех, кто вышел замуж за сысьных уже там, в Сибири. Они, по сути дела, взывали на себя тяжкий труд, ведь сысьные в абсолютном своём большинстве не умели ни пахать, ни сети для рыбной ловли плести, ни избу подлатать... Они были изгоями, не имели средств к существованию, их дети уже по факту рождения оказывались поражёнными в правах...

И об этом тоже книга — о женской любви, о сострадательности, о готовности сносить тяготы...

Вплоть в духе своего времени Владимир Чивилихин бичует царизм, который столь сурово обошёлся с участниками восстания. Я с автором не согласен: уверен, Николай Павлович обошёлся с этими людьми довольно мягко.

Сегодня декабризм и декабристы отошли несколько в тень. О них нынче пишут всё больше как о людях, которые пытались повернуть Россию в русло, выгодное Европе, потерпевшей поражение в войне 1812–1814 годов. Признаться, и я склонен думать примерно также.

Владимир Чивилихин мечтал, чтобы у нас, кроме нескольких маленьких, региональных, появился общенациональный государственный музей декабристов. С учётом нынешней ситуации с памятью прошлого, боюсь, этого не случится. А жаль — вне зависимости от того, как относиться к идее восстания, это чрезвычайно интересная страница отечественной истории.